

Глава 21: Дерево хочет спокойствия, но ветер не унимается

— Не оглядывайся, твой брат Ши не придет сегодня, — тетя Ван разложила тарелки и палочки для еды на столе и, между делом, дала пинка дяде Ли, преграждающему ей путь.

Дядя Ли поджал ягодицы, не смея возражать, он мог только попытаться вернуть ее внимание обратно к Чи Ваню.

— Да, твой брат определенно не придет, он делает юаньбао (бумажные слитки для подношения). Ешь быстрее, а то еда остынет.

Чи Ван с неохотой посмотрел на обеденный стол. Они не виделись три-четыре дня с тех пор, как возили собаку на осмотр в прошлый раз. Непривычно. А ведь раньше они виделись каждый день.

В тарелке еще дымились большие кости, багровые от соуса. Он нетерпеливо взял одну, обглодал мясо и не забыл спросить:

— Что такое «юаньбао»? Что-то вроде рукоделия для заработка?

Брат Ши, ну что ты! Если у тебя трудности с деньгами, так скажи, мы же свои, как можно упакиваться ради заработка, что даже поесть забываешь?

— Пфф... — Дядя Ли чуть не выплюнул Вулянье. Он вытер капли вина, стекшие на стол, рукавом, но только разозлил тетю Ван.

— Ты, дряхлый старик, хорошее вино и еда пропадают зря, когда они достаются тебе, что, ищешь смерти?!

— Не вини меня в этом, этот парень такой забавный, когда говорит... Щипай, щипай осторожно, вот-вот сломаешь мне все кости!

Дядя Ли втянул голову, пытаясь увернуться от железных рук тети Ван, даже не забыл дать объяснение Чи Ваню, наблюдающему за происходящем:

— Эти сложенные из бумаги юаньбао делаются путем складывания квадратного листа желтой бумаги в форме золотого слитка. Затем их сжигают во время посещения могил, чтобы люди в загробном мире могли из получить и потратить.

— У нас такого обычая нет. Самое большее, мы приносим букеты цветов на могилки, — Чи Ван, будучи невежественен, смутно понимал, что имел в виду дяди Ли.

— Тогда, вы, культурные люди, не верите в феодальные суеверия, да? Каждый в Аньлине знает этот обычай.

Отопление в доме было слишком сильным, тетя Ван после избиения старика вся вспотела, сняла свою стеганную куртку и подошла к окну, чтобы остыть. Думая о ситуации Ши Цюси, она не могла не вздохнуть.

— Разве не близится Малый Новый год? Ши Цюси приснилось, что его бабушка с дедушкой говорят, что у них нет денег, и он так заперезживал, что на губах появились большие пузыри.

Тетя Ван села рядом с Чи Ванем, ее брови сошлись на переносице.

— Ши Цюси с детства рос с бабушкой и дедушкой. Его родители не были хорошими людьми, еще давным-давно оставили стариков и ребенка и ушли развлекаться.

Услышав эти слова, Чи Ван отложил палочки. Верно, столько времени они провели вместе, а брат Ши, похоже, ни разу не упоминал своих родителей.

Дядя Ли сощурился, сделал глоток вина и, причмокивая губами, покачал головой.

— Сяо Ши такой молодец, родители им не занимались, а он все равно отдавал всего себя учебе. В свободное время он даже помогал дедушке с бабушкой по хозяйству. Но старикам не повезло, с трудом вырастили старшего внука, толком не успели пожить в достатке, как заболели.

— Дед заболел первым, и его не спасли. Бабка чуть глаза не выплакала. Сяо Ши тогда предлагал забрать ее в город, чтобы жить вместе, но она отказалась. А потом, однажды ночью, у нее случился инсульт. Когда мы ее нашли, она уже окоченела.

Дядя Ли поставил чашу, которую держал. Он и старик Ши — друзья-рыбаки, часто ходили вместе рыбачить. С тех пор как старик Ши ушел, набор рыболовных снастей превратился в комок пыли. При мысли об этом вино перестало радовать.

— Мы виноваты в смерти его бабушки, если бы мы были внимательнее, чаще ее навещали, в ту ночь, возможно, смогли бы спасти ей жизнь...

Голос тети Ван задрожал. Воспользовавшись заминкой, она отвернулась в сторону и тайком вытерла слезы. Она не могла преодолеть это препятствие в сердце.

Ши Цюси был хорошим мальчиком, хотел отвезти старушку в город, чтобы она насладилась вдоволь, но та посчитала себя обузой и не пожелала уезжать. Выхода не осталось, Ши Цюси мог только просить соседей заботиться о ней.

Тетя Ван обычно ходила часто, но так случилось, что в тот период дела шли плохо, поэтому она меньше выходила из дома. Прошло всего три дня с тех пор, как она не навещала старушку, а когда вновь пошла повидаться, ее уже не стало.

Она до сих пор помнит поникшую спину Ши Цюси, бросившегося ночью обратно с самолета и стоявшего на коленях в зале предков, а также, как горевал ребенок, говоря, что у него в семье никого не осталось.

Тете Ван всегда казалось, что она ужасно заботилась о старушке, и в глубине души жалела Ши Цюси. Ребенок зовет тебя тетей, а ты даже такую мелочь не способна сделать хорошо, просто возмутительно.

Позже она хотела возместить это Ши Цюси, но тот не часто возвращался после смерти дедушки и бабушки, и она могла понять.

К счастью, в этом году Ши Цюси вдруг вернулся домой, говоря, что не собирается уезжать в будущем. На самом деле он не знал, что в ту ночь, когда он вернулся, тетушка полночи проплакала в постели. Наконец-то у нее появился шанс возместить ущерб Ши Цюси, да что уж, она была ему очень рада.

Когда люди рядом, они могут позаботиться друг о друге.

После ужина тетя Ван вручила Чи Ваню термос и попросила отнести Ши Цюси.

Когда Чи Ван пришел, Ши Цюси действительно сидел на маленькой скамье и складывал слитки. Увидев гостя, он безразлично поприветствовал его.

Чи Ван, видя, что он так занят, протянул руку, взял лист желтой бумаги и попытался научиться складывать, пытаясь помочь, но Ши Цюси махнул рукой, выпроваживая его домой.

По мнению Ши Цюси, слитки нужно складывать самостоятельно, чтобы выразить искренность. Пусть Чи Ван уходит как можно дальше и не мешает ему здесь.

Что еще мог сказать Чи Ван, ему оставалось только пойти домой и смотреть на Дамэйню. Позапрошлой ночью Дамэйню сел на него сверху и разбудил, и как только он открыл глаза, увидел перед собой отвратительную морду, настолько близко, что издал петушинный крик.

Но это дало ему прилив вдохновения. В любом случае, у Ши Цюси сейчас нет времени заниматься им, так что он задернул шторы в кабинете и принялся писать.

Три дня спустя.

С двумя консервированными яйцами под глазами Ши Цюси нес большую сумку и напевал, поднимаясь по заснеженной горной дороге.

Он знал, что не стоило слушать дедушку, который говорил всякую чепуху про то, что даже умирая, будет хранителем гор. Теперь, чтобы повидаться со стариком, нужно лезть в горы. Ши Цюси, пробираясь сквозь глухую чащу против ледяного ветра в минус двадцать градусов, чувствовал себя одним из сообщников расхитителей гробниц.

После более чем часового подъема он, наконец, увидел могильный камень бабушки.

Ши Цюси бросил вещи на землю, достал из рюкзака складную лопату, расчистил вокруг снег и пожухлую траву и нашел большой плоский камень, который можно подложить на землю, чтобы случайно не сжечь гору позже.

В дополнение к ранее купленным бумажным деньгам, в сумке также было десять тысяч золотых юаньбао, которые Ши Цюси сам складывал несколько дней, не спав ночами. У него почти развился тенденит.

Сначала он зажег несколько листков желтой бумаги, затем сложил их в форме куба, а зажженные юаньбао положил посередине, дабы их не затушил ветер.

Пламя поднималось достаточно высоко, согревая тело Ши Цюси. Он глядел на фотографии двух стариков на надгробии и несдержанно надул губы.

— Уже почти Новый год, вам нужны деньги для покупки новогодних товаров, поэтому приходили ко мне во сне?

— Это действительно выбивает меня из колеи. Сказал же, что куплю роскошную виллу по интернету и подарю вам, когда приеду через два дня. А вы были недовольны. Теперь я должен сам складывать золотые слитки, еще и десять тысяч!

— Просто дайте мне неделю, и я превращусь в осьминога, разве можно остаться целым после такого? — Говоря об этом, Ши Цюси поднял две руки и потряс ими перед фотографией.

Какая-то птица дважды запела в лесу, словно утешая его.

Ветер, казалось, немного поутих, Ши Цюси побродил вокруг, нашел толстую ветку и потыкал в слипшиеся слитки, несожженные дотла. Он слышал, что если не сжечь полностью, люди получают не всю сумму.

Вокруг стояла тишина. Ши Цюси сидел на земле, скрестив ноги. Ему нужно многое рассказать двум старейшинам.

— На этот раз я все подготовил для вас, купите что-нибудь вкусненькое, а потом новую одежду. Не будьте такими, как раньше при жизни, не желающими ничего покупать. Если не хотите больше этим заниматься, найдите сиделку. Будет не хватать денег, придите ко мне во сне, и я позабочусь, чтобы их было достаточно.

— Дедушка, не ссорься с бабушкой, ты ей не безразличен. Ты всегда говорил, что ей нравится старик по соседству, поэтому она не обращает на тебя внимание. Но после твоего ухода она почти ослепла от слез, правда ведь, бабушка?

— Бабушка, я видел короткое видео, где человек с похожим на твой голос поет колыбельную, но слишком плохо, не так хорошо, как я. Что, не веришь, тогда послушай.

— Яркая луна, легкий ветерок, листья блестят за оконной решеткой, сверчки звенят, словно струны... — Ши Цюси откашлялся и тихо запел.

Чем дальше он пел, тем более хриплым становился голос, и под конец пел невнятно, оставив лишь мелодию.

Пламя на камне становилось все меньше и меньше, и желтые слитки постепенно превратились в серый пепел от бумаги. Наконец, огонь пару раз подпрыгнул, а затем и вовсе погас на ветру.

Ши Цюси две-три секунды глядел на пепел, затем молча опустил голову. На тонком слое снега под ногами появились маленькие ямки от воды, взявшейся невесть откуда. Ши Цюси шмыгнул носом, а когда снова поднял голову, глаза были красноватыми, но выражение лица уже пришло в норму.

Он лопатой насыпал немного снега на бумажную золу, убедившись, что она больше не загорится.

Слитки, которые нужно было сжечь, сожжены, и все, что следовало сказать, было сказано. У него не осталось причин оставаться, пришло время спускаться с горы. Ши Цюси поклонился надгробию, затем повернулся и пошел вниз.

Через несколько минут к нему, казалось, пришла мысль, он развернулся и побежал обратно, сказать кое-что напоследок:

— Тогда, если встретите дедушку Чи, не забудьте поделиться с ним деньгами. Его внук, вероятно, не станет сжигать их для него. Если встретитесь втроем, хорошенько проведите время. Я уйду, увидимся вновь после пятнадцатого числа следующего года.

Разрешив дела, Ши Цюси ощутил легкость. Он напевал коротенькую песню, спускаясь с горы, и уже почти у подножия, увидел цветущее дерево хурмы, на котором висело несколько кристально чистых плодов.

Удивленный, Ши Цюси подошел, взял ледяную хурму, сорвал кожицу и положил в рот. Знакомый сладковатый вкус.

Они с этим деревом давно знакомы.

В прошлом, чтобы прокормить свою семью, дедушка Ши поднимался в горы за какими-то продуктами, и Ши Цюси составлял ему компанию. Когда по пути их одолевала жажда, они срывали несколько плодов с этого дерева, чтобы насытиться, а иногда срывали еще несколько и приносили бабушке Ши.

Теперь дерево сломано.

Ши Цюси провел рукой по обгоревшему стволу дерева, предположив, что в него ударила молния. Это природное, никто не может это остановить.

С тех пор как поступил в университет, он редко вспоминал об этом дереве. Шанхай огромен, и Ши Цюси было чем заняться.

Занят учебой, занят подработками, занят поиском работы, занят сверхурочной работой.

Так черные плодородные земли родного города постепенно остались позади, вместе с двумя стариками в маленьком дворике и безмолвным плодовым деревом на горе.

И дерево стало таким.

Дерево уже такое, так почему же люди должны быть его достойны?

Ши Цюси прикрыл глаза и после нескольких секунд молчания, наконец, прислонился к стволу дерева и заплакал.

Он немного скучает по дому.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14933/1595923>